

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXV 2017

MARE PVNICVM.

MARE IBERVM.

EDUCATT - UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

L'ANALISI
LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE
E LETTERATURE STRANIERE

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXV 2017

PUBBLICAZIONE SEMESTRALE

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA
Facoltà di Scienze Linguistiche e Letterature straniere
Università Cattolica del Sacro Cuore
Anno XXV - 2/2017
ISSN 1122-1917 - ISSN digitale 1827-7985
ISBN 978-88-9335-243-7

Comitato Editoriale

GIOVANNI GOBBER, Direttore
LUCIA MOR, Direttore
MARISA VERNA, Direttore
SARAH BIGI
ELISA BOLCHI
ALESSANDRO GAMBA
GIULIA GRATA

Esperti internazionali

THOMAS AUSTENFELD, Université de Fribourg
MICHAEL D. AESCHLIMAN, Boston University, MA, USA
ELENA AGAZZI, Università degli Studi di Bergamo
STEFANO ARDUINI, Università degli Studi di Urbino
GYÖRGY DOMOKOS, Pázmány Péter Katolikus Egyetem
HANS DRUMBL, Libera Università di Bolzano
FRANÇOISE GAILLARD, Université de Paris VII
ARTUR GAŁKOWSKI, Uniwersytet Łódzki
LORETTA INNOCENTI, Università Ca' Foscari di Venezia
VINCENZO ORIOLES, Università degli Studi di Udine
PETER PLATT, Barnard College, Columbia University, NY, USA
NIKOLA ROSSBACH, Universität Kassel
EDDO RIGOTTI, Università degli Svizzera italiana
ANDREA ROCCI, Università della Svizzera italiana
MICHAEL ROSSINGTON, Newcastle University, UK
GIUSEPPE SERTOLI, Università degli Studi di Genova
WILLIAM SHARPE, Barnard College, Columbia University, NY, USA
THOMAS TRAVISANO, Hartwick College, NY, USA
ANNA TORTI, Università degli Studi di Perugia
GISÈLE VANHESE, Università della Calabria

*I contributi di questa pubblicazione sono stati sottoposti
alla valutazione di due Peer Reviewers in forma rigorosamente anonima*

© 2017 EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano | tel. 02.7234.2235 | fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (*produzione*); librario.dsu@educatt.it (*distribuzione*)
web: www.educatt.it/libri

Redazione della Rivista: redazione.all@unicatt.it | *web*: www.analisinguisticaeletteraria.eu

Questo volume è stato stampato nel mese di dicembre 2017
presso la Litografia Solari - Peschiera Borromeo (Milano)

INDICE

Struttura del discorso negli apprendenti italo-foni di russo: analisi testuale comparata russo-italiano	7
<i>Nataliya Stoyanova</i>	
«Come si dice?» / «Wie heißt das?» – Strategie di ricerca lessicale in visite guidate con italiano e tedesco L2	31
<i>Miriam Ravetto</i>	
“Boia imperialisti, spie di regime e corrotti buffoni”. La lingua dei comunicati delle brigate rosse durante il Sequestro Moro	51
<i>Ettore Marchetti</i>	
La sémantique du stéréotype et la représentation topique de l'altérité	71
<i>Afsaneh Pourmazaheri</i>	
“Before Man Was, War Waited for Him“. <i>Blood Meridian</i> e la Guerra del Vietnam	91
<i>Giulio Segato</i>	
Wie wenn sich eine einzige hohe aber starke stimme bilde: lingua e stile nel romanzo <i>Das Schloß</i> di Franz Kafka	103
<i>Gloria Colombo</i>	
Elfriede Gerstl, eine Stimme für italienische Leser	121
<i>Renata Zanin</i>	
Tra comicità e umorismo: Dar'ja Doncova, “regina del giallo ironico”	135
<i>Claudio Macagno</i>	
“L'eterna influenza francese”. Classici russi per il tramite del francese all'alba del Terzo millennio	159
<i>Giuseppe Ghini</i>	
Василий Гроссман и первый опыт художественного исследования Гулага (О повести Все течет...)	175
<i>Мауриция Калужио</i>	

“Ясность” и “связность” как смысловые доминанты нарратива В. Гроссмана
 (“За правое дело”, “Жизнь и судьба”) 187

Галина Жиличева

Recensioni e Rassegne

Recensioni	203
Rassegna di Linguistica generale e di Glottodidattica a cura di Giovanni Gobber	207
Rassegna di Linguistica francese a cura di Enrica Galazzi e Chiara Molinari	215
Rassegna di Linguistica inglese a cura di Amanda Murphy e Margherita Ulrych	225
Rassegna di linguistica russa a cura di Anna Bonola	233
Rassegna di Linguistica tedesca a cura di Federica Missaglia	237
Rassegna di Tradizione della cultura classica a cura di Guido Milanese	243
Indice degli Autori	247
Indice dei Revisori	249
Supplemento: Critical issues in English – Medium Instruction in University	251

Joëlle Gardes nous a quittés le 11 septembre 2017. Nous désirons saluer ici la collègue toujours disponible et prévenante, la stylisticienne, la linguiste, la traductrice, la spécialiste amoureuse de poésie et, bien sûr, la poétesse. Elle aurait aimé ce féminin un peu désuet, et nous le lui dédions volontiers. Elle a rendu à notre revue le service précieux et humble des véritables savants, qui ne demandent aucun retour pour leur travail, pas même le renom, car leur savoir les rend heureux et ils sont par conséquent désireux de le partager. Enfin, à Joëlle, la très chère amie, tout simplement merci.

Joëlle Gardes ci ha lasciati l'11 settembre 2017. Desideriamo ricordare in questa sede la collega sempre disponibile e collaborativa, la scrittrice raffinata, la linguista, la traduttrice, la studiosa di poesia, e naturalmente la poetessa che lei stessa è stata. Ha dato alla nostra rivista il contributo prezioso e umile che solo i veri studiosi sanno dare, senza chiedere nulla in cambio, nemmeno il riconoscimento pubblico, poiché era dal sapere che si sentiva ricompensata e desiderava quindi dividerlo. A Joëlle, la cara amica, semplicemente grazie.

On the 11th of September 2017, Joëlle Gardes left us. We honor here the willing and helpful colleague, the stylist, the linguist, the translator, the poetry scholar, and of course the poet she herself was. She served our journal in the precious and humble way that true scholars dedicate to knowledge, which they are happy to share. To the dearest friend Joëlle, simply thank you.

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН И ПЕРВЫЙ ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГУЛАГА (О повести *Все течет...*)

Мауриция Калузио

Определить, к какому жанру принадлежит последняя работа Василия Гроссмана *Все течет...* (1955-1963), нелегко. В последние десятилетия XX века литературные критики отмечали, что в ней вообще отсутствуют и сюжет, и фабула. Некоторые исследователи даже не решались назвать этот текст “художественным произведением”. В статье предпринята попытка показать, как Гроссман, говоря на темы в то время еще недопустимые: о системе лагерей, о Голодоморе и т.д. – изобретал совсем новый и смелый способ повествования. Кажущее пренебрежительное отношение Гроссмана к правилам композиции во “Все течет” вызвано потребностью рассказывать без лжи о неопишемом и невыразимом человеческом пути в лагере. В статье анализируются мотивы путешествия и сна, а также фигура умолчания, к которой Гроссман прибегает, чтобы выразить свое несогласие с фальшью социалистического реализма.

It is difficult to determine which genre Vasily Grossman's last work *Everything flows* (1955-1963) belongs to. In the last decades of the XX century, literary critics noticed how this work completely lacks a plot and a fabula. Some researchers have even refused to call this text a ‘literary work’. In this article, an attempt has been made to show how Grossman, when talking about themes that were still inaccessible for that time (the system of labour camps, Holodomor and so on), created a completely new and audacious way of narrating. Grossman's apparent contemptuous approach to the rules of narration in *Everything flows* is actually generated by the need to tell without lies the indescribable and ineffable human journey in the camps. In this article, we analyze the motifs of travel and dream, as well as the figure of preterition, which Grossman uses to express his dissent from the falsity of socialist realism.

Keywords: Vasily Grossman, Everything flows, Gulag literature, Russian literature

... Terror, atrocities, oppression — that's all words. [...] Do you know what counts?
The detail. Only the detail...

A. Koestler, *Arrival and Departure*

Определить, к какому жанру принадлежит последняя работа Василия Гроссмана *Все течет...*, не легко. Впрочем, не сразу определяешь, к какому жанру принадлежат такие шедевры русской лагерной литературы, как *Архипелаг ГУЛАГ* Солженицына, или *Воспоминания* Н.Я. Мандельштам. К тому же далеко не все исследовате-

ли убеждены в том, что *Все течет...* – вообще художественное произведение¹. По мнению некоторых, его “можно назвать романом лишь условно”, на самом деле это “исторический очерк о событиях, свидетелем которых был сам автор, в которых он принимал участие”². О *Все течет...* – “личностной прозе, которой не нужно никакое жанровое определение, в том числе и самое нейтральное – ‘повесть’”³ – писали как о “странном тексте”⁴, “un texte qui ne se rattache à aucun genre, un texte-confession”⁵, “an unfinished work”, “unbalanced in its structure”, “a work of art; important though it is as a historical document, it is far more than a historical document”⁶.

Гроссман начал писать *Все течет...* в 1955 г., когда работал над романом *Жизнь и судьба*, и после “ареста” романа долго перерабатывал и дорабатывал эту повесть⁷, возможно, до самой смерти⁸. Во всех изданиях и в машинописи с авторскими правками, которая хранилась у Екатериной Заболоцкой, а сейчас находится в Гарварде⁹, указаны даты: 1955-1963 гг. Гроссман не пытался опубликовать *Все течет...*, и книга вышла в свет только в 1970 г. во Франкфурте-на-Майне (изд. “Посев”), и в Советском Союзе ее читали в самиздате до 1989 г. Первые переводы появились в первой половине 1970-х¹⁰, и хотя она “могла и должна была стать событием первостепенной важности”, как пишет С. Маркиш, “по непонятным для меня причинам осталось почти незамеченной”¹¹.

¹ О *Все течет...*, например, не говорят в самых новаторских историях русской литературы XX века, см. Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, *Русская литература XX века (1950-1990-е годы)*, т. 1: 1953-1968, Издательский центр “Академия”, Москва 2010; E. Dobrenko, M. Balina ed., *The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature*, Cambridge University Press, Cambridge 2011.

² М. Геллер, *Концентрационный мир и советская литература*, Overseas Publications Interchange Ltd., London 1974, с. 329; http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/geller_kontsentratsionny_mir_i_sovetskaya_literatura_1974_text.pdf, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.

³ А. Немзер, *Нерасслышанная боль. Василий Семенович Гроссман [1989/1999]*, в: *Памятные даты. От Гаврилы Державина до Юрия Давыдова*, Время, Москва 2002, с. 368.

⁴ Там же.

⁵ G. Nivat, *Russie-Europe, la fin du schisme. Études littéraires et politiques*, Édition L'Âge d'Homme, Lausanne 1993, p. 44.

⁶ R. Chandler. *Introduction*, in V. Grossman, *Everything Flows*, transl. R. and E. Chandler with Anna Aslanyan, Vintage Books, London 2011, p. XI.

⁷ С. Липкин, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*, в: С.И. Липкин, А. Берзер, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Прощание*, Книга, Москва 1990, с. 3-121; http://www.imwerden.info/belousenko/books/lipkin/lipkin_berzer_grossman.htm, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.

⁸ Но С. Липкин вспоминал: “Кажется, в августе [1963 г.] он прочел мне окончательный вариант повести *Все течет*, — все эти месяцы, выйдя из больницы, над ней работал” (там же; курсив мой. – М.К.).

⁹ См. Zabolotskaia Manuscript: Grossman, Vasilii Semenovich, *Все течет* [Vse techet]: typescript with autograph manuscript corrections, 1963. 3 folders. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers. Houghton Library, Harvard College Library; <https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:537794925i1>, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.

¹⁰ В 1971 г. вышел итальянский перевод, затем появились другие переводы на английском, французском, немецком, сербском, еврейском и шведском языках (см. S. Markish, *Le Cas Grossman*, Julliard/L'Âge d'Homme, Paris/Lausanne 1983, p. 217).

¹¹ Ш. Маркиш, *Василий Гроссман*, в: *Бабель и другие*, Наука/Гашарим, Москва/Иерусалим 1997, с. 101. Писал Маркиш в 1983: “À Paris on raconte que des agents de l'ambassade soviétique on fait le tour des

Заметили же ее авторы первых новаторских книг по истории русской неподцензурной литературы М. Геллер (*Концентрационный мир и советская литература*, 1974) и Ю. Мальцев (*Вольная русская литература 1955-1975*, 1976), и отозвались о ней совсем по-разному. Мальцев заметил, что “в варианте романа [так в тексте. – М.К.], которым мы располагаем, чувствуется какая-то незавершенность и несовершенство, это несовершенство есть в рыхлости композиции – отдельные сюжетные линии романа никак не связаны друг с другом”¹². Кроме того, по мнению Мальцева “не найдено органического включения в роман философско-исторического эссе о русской революции, о Ленине и о сталинизме (размышления главного героя)”¹³. И, в конечном итоге

хотя сегодня большая часть русской интеллигенции уже не испытывает ни малейшей симпатии к Ленину и нашла уже гораздо больше аргументов против него, и аргументы эти более обстоятельно обоснованы и документированы, за Гроссманом остается заслуга застрельщика, вырвавшегося вперед и увлекшего за собой многих¹⁴.

Геллер же ставил гроссмановскую повесть рядом с *Воспоминаниями* Н.Я. Мандельштам, написанными в те же 1960-е годы и опубликованными на Западе в начале 1970-х гг.¹⁵:

Обе книги сходны по выводам, по эмоциональной напряженности. Но интимные воспоминания Надежды Мандельштам написаны сдержаннее, чем роман Василия Гроссмана. Этот парадокс объясняется, как мне кажется, тем, что Надежда Мандельштам значительно раньше Гроссмана поняла механизм, приведший революцию к гибели. Поэтому в романе *Все течет...* есть то, чего нет в *Воспоминаниях* — боль и обида обманутого влюбленного, обманутого изменившей ему Идесей¹⁶.

По мнению Геллера,

сюжетная линия, введенная в этот очерк, должна служить иллюстрацией мыслей писателя, излагаемых иногда героем — Иваном Григорьевичем, а иногда — непосредственно автором. Особенностью книги является ее высокая

---

librairies pour racheter le stock de livres en sorte que la quasi-totalité du tirage a disparu de la circulation et n'est pas parvenue jusqu'à lecteur” (*Le Cas Grossman*, p. 217).

¹² Ю. Мальцев, *Вольная русская литература 1955-1975*, Посев, Frankfurt am Main 1976.

¹³ Там же, с. 198.

¹⁴ Там же, с. 205-206.

¹⁵ *Воспоминания* вышли в Нью-Йорке, в изд-ве Чехова, в 1970 г.; два года спустя в Париже вышел следующий том мемуаров — *Вторая книга* (YMCA-Press, Paris 1972). В 1978 вышла *Книга третья* (YMCA-Press, Paris 1978).

¹⁶ М. Геллер, *Концентрационный мир*.

эмоциональная напряженность, объясняющая трагичностью выбора автора, отвергающего идею, в которую он беззаветно верил¹⁷.

Как считает Геллер, историк Гроссман принадлежит к высокой русской традиции:

В связи прогресса с рабством видит писатель основной принцип русской жизни. Вывод к которому приходит Василий Гроссман, чрезвычайно сходен с выводом, который сделал крупнейший русский историк Ключевский, изучая эпоху Петра I¹⁸.

Среди чисто литературных исследований самая основательная и сочувствующая работа написана С. Маркишем, автором первой западной монографии о писателе — *Le Cas Grossman*¹⁹. По его мнению, “десяток страничек новеллы о тихой Машеньке стоят среди шедевров лагерной темы, рядом с тремя томами *Архипелага*”²⁰. Но и для него “действия, фабулы, по сути, вообще нет, есть несколько сцен, каждая из которых совершенно статична и каждая — сама по себе, не связана с другой. [...] Одна треть его [текста] — чистая публицистика [...]. Вдобавок к этому в повесть включены три вставные новеллы, формально совершенно независимые от сюжета”²¹. В повести, пишет Маркиш, можно выделить четыре линии, которым следует Гроссман: “Это — тюрьмы и лагеря, коллективизация, российская история, Ленин”²².

Итак, подавляющее большинство критиков, занимавшихся *Все течет...*, говорят о том, что отдельные эпизоды повести несомненно блестящие, но вообще отсутствуют сюжет и фабула, а некоторые исследователи даже не решаются назвать этот текст “художественным произведением”. Такие же суждения о повести повторяла русская критика после того, как *Все течёт...* напечатали в СССР в 1989 г.²³, через год после выхода *Жизни и судьбы* (на Западе роман вышел в 1980 г.). Несмотря на большой скандал и упреки в “руссофобии”, которые сразу распространились в газетах и журналах, самые трезвые исследователи стали читать повесть с оглядкой на роман: “Написанная в русле *Жизни и судьбы*, повесть восприниматься должна в контексте романа. Примерно как эпилог, постскрипtum”²⁴.

¹⁷ Там же, с. 329.

¹⁸ Там же, с. 332.

¹⁹ Сначала книга была издана по-французски под названием *Le Cas Grossman* (1983), а потом уже по-русски. Мы цитируем последнюю версию этой работы (1981-1988), опубликованную в 1997 году. В СССР первая монография о Гроссман вышла в 1970 году (А.Г. Бочаров, *Василий Гроссман. Критико-биографический очерк*, Советский писатель, Москва 1970); автор, А. Бочаров, переписал ее в 1990 году (*Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба*, Советский писатель, Москва 1990).

²⁰ С. Маркиш, *Василий Гроссман*, в: *Бабель и другие*, с. 103.

²¹ Там же, с. 102.

²² Там же.

²³ В. Гроссман, *Все течет...*, “Октябрь”, 6, 1989. В настоящей статье цитируется по этому же изданию; <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/techet.txt>, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.

²⁴ М.Н. Липовецкий, *Постскрипtum*, “Урал”, 3, 1990, с. 169.

В конце 1980-х – начале 1990-х и затем в 2000-х годах появлялись новые переводы *Все течет...* и переиздавались старые, а параллельно шел критический пересмотр произведения, результаты которого значительны в особенности с точки зрения историсофии²⁵. В немногочисленных новых исследованиях, где *Все течёт* анализируется с литературной точки зрения, нередко подчеркивается, как и прежде, незавершенность повести, и нередко критики жалуются на неудачное сплетение публицистических частей с чисто художественными главами. Намного более убедительным кажется нам то, что писал поэт С. Липкин, близкий друг Гроссмана:

Я уверен, что *Все течет* — новое слово в русской прозе. Ее незавершенность кажущаяся. Соединение художественных страниц с публицистикой — результат обдуманного решения, а не поспешности, как полагают некоторые. Гроссман в этой повести рассказал о том, о чем до него никто не писал²⁶ [курсив мой. – М.К.].

На самом деле, многие работы позднего Гроссмана (см. *Сикстинская Мадонна*, *Добро вам!* и немало из его последних рассказов) и вместе с ними “странный” очерк *Треблинский ад* (1944), как и *Все течет...* – гибридные произведения, не скажешь, что они чисто художественные и что они принадлежат к какому-то конкретному жанру.

Сейчас, когда утихли бурные споры последних десятилетий XX века, при внимательном чтении повести не трудно убедиться в том, что, говоря на темы, в свое время еще недопустимые в отечественной литературе, Гроссман изобретал совсем новый и смелый способ повествования. Как его и изобретал, через несколько лет после *Все течет...*, Александр Солженицын в своем *Архипелаге ГУЛАГ*²⁷. Кстати, и об определении этого шедевра всемирной литературы до сих пор ходят споры, хотя в его подзаголовке прямо написано *Опыт художественного исследования*.

В 1956 г. Гроссман читал в “Новом мире” роман Дудинцева *Не хлебом единым* и, одобряя его (“хорошая, смелая вещь”²⁸), замечал в письме к Липкину:

Тут дело не в оценке таланта, а в определении вида литературы, как-то: чет – нечет, черное – белое, брехня – правда. Это не брехня. А что талант не так велик, это уже второй, следующий вопрос. Им будет интересно заняться, когда таких произведений – *реальных* – станет много²⁹.

²⁵ См. например исследования Цв. Тодорова (*Mémoire du mal tentation du bien. Enquête sur le siècle*, R. Laffont, Paris 2000), А. Финкиелькро (*Un coeur intelligent : lectures*, Stock-Flammarion, Paris 2009), и т.д.

²⁶ С.И. Липкин, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*.

²⁷ Первым заметил такую близость Маркиш в 1990 году (*Василий Гроссман*, с. 103): “*Все течет...* предвосхищает *Архипелаг ГУЛАГ*. Часть лагерных глав вполне соответствует тому жанровому определению, которое дал своему труду Солженицын – опыт художественного исследования. [...] Разумеется, тут те же отличия, что между эмбрионом и взрослою особью, но и сходство то же: тот же замысел, та же цель, та же, в потенции, сила обобщения и обвинения” [курсив мой. – М.К.].

²⁸ С.И. Липкин, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*.

²⁹ Там же (курсив мой. – М.К.).

Реальных произведений много не стало, по крайней мере в рамках подцензурного, как Гроссман скоро убедился. И во *Все течет...* Иван Григорьевич, бывший зек, вернувшийся на волю в 1954 г., сурово осуждает современную ему советскую литературу. Явно надевая героя своим голосом, Гроссман яростно нападает на канон социалистического реализма и на неизлечимую фальшь *всей* советской литературы³⁰:

Писатели выдумывали людей, их чувства и мысли, выдумывали комнаты, в которых они живут, поезда, в которых они ездят... Называвшая себя реалистической, литература была не менее условна, чем буколические романы восемнадцатого века. Литературные колхозники, рабочие, деревенские женщины казались сродни тем нарядным, стройным поселянам и завитым пастушкам, что играли на свирелях и танцевали на лужках среди беленьких барашков с голубыми бантиками³¹.

В советских книгах написано о жизни,

в которой нет бараков, усиленного режима, бригадиров, вертухов-надзирателей, оперуполномоченных, паспортной системы, нет всех тех чувств, страданий, страстей, тревог, которыми жили люди вокруг него...

Хотя бледные отблески лагерей изредка встречались в некоторых подцензурных произведениях³², в целом о лагерях можно было прочесть тогда только в самиздате; единственным исключением была повесть *Один день Иван Денисовича*, которую, впрочем, Гроссман читал до выхода в “Новом мире” в 1962 г. (Он сразу признал талант тогда никому не известного автора – “Ты понимаешь, вдруг там, в загробном мире, в каторжном гноище рождается писатель. И не просто писатель, а зрелый, огромный талант. Кто у нас равен ему?” – сказал он Липкину). В те же годы Гроссман познакомился через самиздат с *Процессом* Ф. Кафки и еще с одним произведением, которому было суждено стать классикой лагерной литературы – воспоминаниями Евгении Гинзбург *Крутой маршрут*³³.

³⁰ В этом отношении, на наш взгляд, это самая неудачная глава *Все течет...*, ибо не совсем убедительно эти размышления автор приписывает главному герою.

³¹ Стоит заметить, что и здесь, и еще больше том отрывке, где он определяет соцреалистическую литературу как религиозную, Гроссман близок к Абраму Терцу, автору ходившего тогда в самиздате эссе *Что такое социалистический реализм* (1957).

³² “Сквозь мишуру дежурных слов в романе [*т.е. За правое дело* В. Гроссмана] проглядывают и лагеря, и колючая проволока, и несчастные раскулаченные” замечает, например, Ю. Дружников (см. *Уроки Гроссмана*, “Чайка. Seagull Magazine”, 1 мая 2001 г.; <https://www.chayka.org/node/4093>, дата последнего обращения 5 сентября 2016 г.).

³³ См. А. Берзер, *Прощание*, в: С. Липкин, А. Берзер, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*, с. 121-245. Берзер пишет в своих воспоминаниях: “Помню, он рассказал, как ‘перед самой больницей’ ему в квартиру на Беговой разные люди принесли разные рукописи и про каждую сказали, что надо прочитать ‘за три дня’. Это был ходивший тогда по рукам перевод *Процесса* Кафки и наши лагерные воспоминания, недавно написанные одной женщиной [Е. Гинзбург]. Он через три дня с виноватой усмешкой сказал, что начал читать обе — но наш ‘процесс’ захватил его больше, чем кафкианский. Он, конечно, собирался

В гл. 11 повести *Все течёт...* показан именно момент выбора тех тем, которые в подцензурной литературе не затрагивались и о которых стал писать Гроссман:

Как-то вечером после работы он стал перебирать в памяти лагерные слова. Бог мой, на каждую букву алфавита оказалось лагерное слово... А о каждом слове можно написать статьи, поэмы, романы... Арест... барак... вертух... голод... доходяга... женские лагеря... зека... ИТЛ... ксива... – вот так до конца алфавита. *Огромный мир, свой язык, экономика, моральный кодекс.* Такими сочинениями можно заполнить книжные полки. Побольше, чем *История фабрик и заводов*, затеянная Горьким³⁴. [Курсив мой. – М.К.]

Поражает здесь то, что автор видит этот огромный, замкнутый и пока еще не исследованный как таковой лагерный мир во всей полноте и в то же время с разных точек зрения (язык, экономика, моральный кодекс – так увидит его только Солженицын в *Архипелаге*). Кстати, это что-то совсем новое не только для русской литературы, но и для самого Гроссмана – как заметил Маркиш, “хотя лагерь и тюрьма занимают очень важное и очень большое [...] место в *Жизни и судьбе*, повесть, в этом пункте, романа не повторяет нисколько”³⁵.

Так автор решает и вопрос о языке: рассказывая о лагере, надо говорить на его же языке и не теряя из виду ни одной детали этого мира – это звучит как очень четкое заявление о поэтике. А потом выбирает свой сюжет: “Вот сюжет: история эшелона – формирование, эшелон в пути, охрана эшелона...” Он быстро описывает триумфальное развитие этапирования, как сделал бы это соцреалистический писатель (от “робких зачатков лагерной культуры” до “нынешнего шестидесятивагонного эшелона, идущего в Красноярский край: подвижный тюремный город”), иронически комментирует его (“Какими наивными, домашними кажутся современному этапированному эшелону двадцатых годов”). Затем – через риторическую фигуру умолчания – повествователь предупреждает читателя, что описана будет именно история *человеческих страстей*, на самом деле невыразимая:

А кто опишет отчаяние этого движения, удаляющего от жен, эти ночные исповеди под железный стук колес и скрип вагонов, покорность, доверчивость, это погружение в лагерную бездну; письма, выбрасываемые из тьмы теплушек в тьму великого степного почтового ящика, и ведь доходили!

Как метафора жизни путешествие имеет древнюю и богатую традицию. В лагерной литературе мотив путешествия играет важнейшую роль: эшелоны ездят и по

прочитать и то и другое, но от ‘нашего’ оторваться совсем не мог. И несколько раз повторил собственное свое название — ‘наш процесс’”.

³⁴ Как пишет А. Немзер (*Нерасслышанная боль*, с. 369), это “страшный алфавит, будто пророчащий тот словарь, кто приложил к томам *Архипелага* Солженицын”.

³⁵ С. Маркиш, *Василий Гроссман*, с. 102.

*Архипелагу*³⁶, и у Гинзбург. Гроссман ничего не изобретал, и к тому же он, в отличие от Солженицына и Гинзбург, никогда ни в каком эшелоне не был. Но именно вокруг мотива “эшелона”/“путешествия” он организует свою повесть, используя его и как мотив возвращения – к воле, к жизни, – из небытия, из царства мертвых.

Именно сценой в поезде открывается *Все течет...* На этом поезде, приходившем утром в Москву из Хабаровска, едет Иван Григорьевич. Главный герой в течении первой половины повести всегда в пути: из Москвы он едет в Ленинград, к бывшей невесте (встреча не состоялась), и потом в маленький городок в южной России, где находит работу в артели инвалидов и жилье в комнате у вдовы Анны Сергеевны, в которую влюбится. В конце повести, после смерти Анны, он опять в пути – в этот раз он направляется на юг, на море, в Крым, где родился. И в пути не только Иван: в разных главах повести движутся целые эшелоны, набитые зеками.

Все течет... не воспитательное произведение (в этом оно почти демонстративно удаляется от одной из капитальных догм соцреализма³⁷), и путешествие здесь не является метафорой внутренних перемен Ивана. Наоборот: если “все течет, все изменяется, нельзя дважды вступить в один и тот же эшелон” – именно этими словами Гроссман трагично пересказывает известный афоризм Гераклита, – в конце повести, после всех своих странствий, перед разрушенным родным домом Иван “седой, сутулый и все же тот же, неизменный”. Только одно у Ивана изменяется – его понятие о свободе. Ведь оно было чисто теоретическим, а стало реальным:

Я раньше думал, что свобода – это свобода слова, печати, совести. Но свобода, она вся жизнь всех людей – она вот: имеешь право сеять, что хочешь, шить ботинки, пальто, печь хлеб, который посеял, хочешь продавай его и не продавай, и слесарь, и сталевар, и художник, живи, работай, как хочешь, а не как велят тебе. А свободы нет и у тех, кто пишет книги, и у тех, кто сеет хлеб и шьет сапог.

Обо всем этом Иван думает, пока живет у Анны и работает слесарем в инвалидной артели (гл. 10):

ему теперь странно казалось, будто он всю жизнь свою находился в дороге, день и ночь ехал в скрипящем вагоне, десятки лет слышал стук колес и вот наконец приехал – эшелон остановился. И от этой тридцатилетней дороги, тридцатилетнего дорожного грохота в голове его продолжался шум, звенело в

³⁶ См. например как исследует именно тему путешествия в “Архипелаге” А. Ранчин (“Архипелаг ГУЛаг” А.И. Солженицына как художественный текст: некоторые наблюдения. http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=669, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.).

³⁷ Как писал Синявский-Терц, “В значительной своей части советская литература — это воспитательный роман, в котором показана коммунистическая метаморфоза отдельных личностей и целых коллективов. Многие наши книги связаны с изображением именно этих нравственно-психологических процессов, направленных к созданию будущего идеального человека” (А. Терц [А. Синявский], *Что такое социалистический реализм* [1957]; http://imwerden.de/pdf/abram_terz_что_такое_soc_realizm.pdf, дата последнего обращения 30 октября 2016 г.).

ушах и все казалось, эшелон идет, идет... Но это не дорожный шум стоял в его ушах, в голове звенел склероз, жизнь-то ведь шла к концу.

Это неопределенное ощущение сопровождается хаотичными воспоминаниями:

Эти часто, без связи возникающие лагерные воспоминания мучили его своей хаотичностью. Он чувствовал, понимал, что в хаосе можно разобраться, что в его силах это сделать и что теперь, когда кончилась лагерная дорога, пришло время увидеть ясность, различить законы в хаосе страданий, противоречий между виной и святой невинностью, между фальшивыми признаниями своих преступлений и фанатической преданностью, между бессмысленностью убийства миллионов невинных и преданных партии людей и железным смыслом этих убийств.

Здесь Гроссман как бы объясняет структуру повести: воспоминания о лагере не дают Ивану покоя, и он пытается наводить в них порядок. Сначала они хаотичны, как и сны, и так же “хаотично” рождаются новые главы повести, новые темы, новые рассказы, то есть те, судя по внешности, не с чем не связанные “новеллы”.

Гроссман не сидел, но он писатель-реалист и в своей последней повести собирает-ся рассказать всю правду о лагере, о которой узнал не как жертва, а как очевидец, как хранитель воспоминаний бывших зеков³⁸. И так как ему, в отличие от соцреалистических писателей, нельзя выдумывать, рассказ не ведется последовательно беспристрастным повествователем (как например в *Одном дне Ивана Денисовича*, Солженицын-то в лагере сидел). Это скорее как рассказ о сне, который ты видел ночью и отрывочно вспоминаешь утром. Рассказы повествователя и героев разные и даются фрагментарно, без видимой связи. И так как вообще жизнь в лагере является трагичным опытом разъединения, распада человека, вполне логично и правдиво о лагере можно рассказывать, только прибегая к отрывочным рассказам, уцелевшим мелочам.

Если мы попробуем восстановить в хронологическом порядке то, что в повести рассказано хаотично и не полностью, а чаще только мимолетными, хотя и тонкими аллюзиями, то перед нами выстроится личная, неповторимая история одного зека, с того момента, когда на него доносят (гл. 6) до ареста (точнее, в повести рассказывается о том, что происходит в квартире арестанта после его ареста, гл. 13) и этапирования (гл. 12); от повседневной жизни в тюрьмах и лагерях (гл. 11, 12, 13) до двух возможных исходов: смерти (гл. 13, 19 и в других местах) или освобождения (гл. 9), и наконец возвращения на волю (гл. 1-11).

Это история Ивана, вернувшегося из царства теней, который мучительно переосмысливает свою жизнь в лагерях и сопоставляет ее с жизнью так называемых вольных, и затем понимает, что нет никакой разницы между двумя мирами:

³⁸ E. Korotkova-Grossman, *Afterword*, in V. Grossman, *Everything Flows*, p. 289; S. Markish, Василий Гроссман, p. 103.

Дух лагерной казармы ощутил Иван Григорьевич, глядя в окна ленинградской милиции, слушая за роскошным столом речи своего двоюродного брата, рассматривая вывеску паспортного отдела... Ему мерещилось, что колючая проволока уже не нужна и запроволочная жизнь уравнена в сокровенной сути своей с лагерным бараком.

И в то же время: “Свобода казалась бессмертна по обе стороны лагерной проволоки” (стоит ли говорить о том, что в этом откровении Ивана явно звучит голос автора романа *Жизнь и судьба*).

Недаром он носит самое распространенное русское имя – Иван. Его судьба в лагере – это судьба миллионов советских граждан. Некоторые из их имен и фамилий известны. Мы знаем, например, близорукого еврея Льва Наумовича Меклера, который шел “по всем кругам тюремного и лагерного ада”, слепо преданного революции, “проповедника, апостола и бойца всемирной социалистической революции”. Есть в повести и неисчислимые безымянные зски, принадлежавшие ко всеми слоям советского общества:

Все эти десятки, тысячи, десятки тысяч людей, секретари райкомов и обкомов, военные комиссары, начальники политотделов, директора заводов и совхозов, командиры полков, дивизий, командармы, капитаны кораблей, агрономы, писатели, зоотехники, внешторговцы, инженеры, послы, красные партизаны, прокуроры, председатели завкомов, профессора – выражали все разнообразие поднятых революцией слоев жизни. Рядом с русскими тут были белорусы, украинцы, литовские и украинские евреи, армяне, грузины, медлительные латыши, поляки, обитатели среднеазиатских республик.

Есть тут и самые разные женщины:

...Равноправие женщины с мужчиной утверждено не на кафедрах и не в трудах социологов... Ее равноправие доказано не только в фабричной работе, не в полетах в космос, не в огне революции – оно утверждено в истории России ныне, присно и во веки веков крепостным, лагерным, эшелонным, тюремным страданием.

Это такие женщины, как Маша, жена “врага народа” (гл. 13), которая освобождается из лагеря “в четырехугольном ящике, сколоченном из выбракованных отделом технического контроля досок”, и вообще все другие женщины:

жены, жены, московские, ленинградские, киевские, харьковские, ростовские, печальные, практичные и не от мира сего, грешные, слабые, кроткие, злые, смешливые, русские и нерусские женщины в каторжных бушлатах. Жены врачей, инженеров, художников и агрономов, жены маршалов и химиков, жены прокуроров и раскулаченных хуторян, российских, белорусских, украинских хлеборобов.

Говоря об отдельных судьбах в лагере, таких похожих и в то же время неповторимых, Гроссман рассказывает историю сталинских лагерей и историю России в XX веке. Это и 1937 год (в гл. 3, и в других местах), и переселения народов (гл. 6, 14), проекты чистки евреев в начале 1950-х (гл. 3), раскулачивание (гл. 14), которое привело на Украине к Голодомору в начале 1930-х г. (гл. 14, 15), кампания против ученых во второй половине 1940-х (гл. 3)... При этом про “публицистические” части (гл. 18, 20-25) никак нельзя сказать, что они не связаны с остальным повествованием; наоборот – они логично продолжают этот опыт понимания, исследуя всю русскую историю и роль в русской истории Ленина и Сталина (гл. 18, 20-25).

Кажущее пренебрежительное отношение Гроссмана к правилам композиции во *Все течет...* рождается от потребности рассказывать без лжи неопишумый и невыразимый человеческий путь в лагере. Об этом художественном и нравственном выборе, как хорошо видно, автор заявляет, прибегая к той же фигуре умолчания, о которой уже шла речь³⁹, в начале повести (гл. 4), когда главный герой Иван отказывается в обыденной советской обстановке рассказывать о лагере двоюродному брату Николаю Андреевичу:

Иван Григорьевич представил себе, как, сидя в дачном кресле и попивая винцо, он стал бы рассказывать о людях, ушедших в вечную тьму. Судьба многих из них казалась так пронзительно печальна, и даже самое нежное, самое тихое и доброе слово о них было бы как прикосновение шершавой, тупой руки к обнажившемуся растерзанному сердцу. Нельзя было касаться их. И, качая головой, он сказал: – Да, да, да – сказки тысячи и одной полярной ночи.

³⁹ См. выше, с. 181.

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

ANNO XXV - 2/2017

EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio Universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano - tel. 02.72342235 - fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (produzione)
librario.dsu@educatt.it (distribuzione)
redazione.all@unicatt.it (Redazione della Rivista)
web: www.analisiilinguisticaeletteraria.eu

ISSN 1122 - 1917

9 788893 352437